

TOP 10

S U C C E S S

LEADERSHIP

Vision.
Strategy.
Legacy.

WEALTH

Built,
Not given.

10

RULES
OF WINNERS

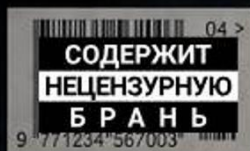
EXCLUSIVE

Interview with
a top entrepreneur

No.1

NEVER FOLLOW.
ALWAYS LEAD.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Денис Бунин

Идеальный человек

«Автор»

2026

Бунин Д. Н.

Идеальный человек / Д. Н. Бунин — «Автор», 2026

С детства Андрея лепили. Бабушка-профессор, родители спортсмены, семейный девиз «Всё ради победы». Иностранные языки, философия, спорт, идеальные манеры — ни шага в сторону. Его сделали идеальным продуктом. И он им стал. Мы часто живём не свои жизни. Мы реализуем страхи и желания сначала родителей, потом родственников, а потом и всего общества. Андрей — их триумф. У него статус, деньги, блистательная невеста. Он — идеал для одних и цель для других. А потом жизнь поставила его перед выбором. Письмо от погибшей любви: «У тебя есть сын. С синдромом Дауна. Позаботься о нём». Теперь он должен решить: остаться идеальным для всех или стать настоящим хотя бы для одного человека. Это история борьбы двух миров. В одном ты обязан быть безупречным. В другом — имеешь право бояться, любить, ошибаться. «Идеальный человек» — роман-катализатор. После него вы спросите себя: а чью жизнь я живу на самом деле?

© Бунин Д. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Бунин

Идеальный человек

Глава

Глава первая.

Меня зовут Андрей. Я родился в семье профессиональных спортсменов: мама была чемпионкой Европы по спортивной гимнастике, отец играл за сборную по хоккею. Девиз нашей семьи звучал так: «Все ради победы». Родители всегда были в разъездах и я стал чем-то вроде переходящего кубка, кочуя от бабушки к дедушке. Каждый пытался вложить в меня по максимуму. Я был единственным ребенком и не только родных, но даже двоюродных братьев и сестёр у меня не было. Бабушка Нина Константиновна и дедушка Павел Феликсович по маминой линии были профессорами в педагогическом университете. Высокоинтеллектуальная, интеллигентная пара с поздним ребенком. Дома у них царил безупречный порядок. Их квартира и дача больше походили на музейные залы, чем на жилые помещения. Маму воспитали в строгости и послушании, и я не стал исключением. Порой мне казалось, что ко мне относились как к долгосрочному педагогическому эксперименту. С ранних лет меня пичкали знаниями и я постоянно был занят: математика, программирование, китайский, английский и так далее. Нина Константиновна была че

ловеком тоталитарного склада. Она рулила всем: покупками, планами, настроениями. Павел Феликсович, наоборот, жил в себе. Его любимым занятием было читать очередную научную работу и тихонько, почти шепотом, критиковать ее за рюмочкой портвейна — неважно, согласен он с автором или нет. Как-то раз у бабушки были дела на кафедре и мы с дедом поехали на дачу. По приезде он устроился в кресло на террасе и погрузился в чтение. Казалось, он вообще перестал видеть и слышать мир вокруг, все его реакции стали машинальными. В это время по дорожке проходил наш сосед с внуком. Сосед поздоровался, Павел Феликсович, не отрываясь от книги, молча кивнул. А я увидел у мальчика в руках огромную коробку, на которой был нарисован паровоз с вагонами и большая надпись «РІКО». Я замер, замороженный. У меня, что называется, игрушек не было. Сосед заметил мой взгляд и предложил пойти к ним и вместе собрать железную дорогу. Я тут же повернулся к деду: «Можно?» Он, не отвлекаясь, кивнул и добавил: «К восьми будь к ужину».

Я был на седьмом небе. Они жили напротив. Внука звали Артем. Мы расселись с ним в гостиной на полу и принялись раскладывать рельсы. Они пахли приятно свежей пластмассой. Артем был странноватым ребенком: большие очки на резинке, речь нечеткая, будто с конфетой во рту. Это стал один из самых счастливых дней моего детства. Мы не просто собрали дорогу. Мы построили из книг и коробок целые города в разных комнатах и соединили их ветками, а из спичек выложили шоссе, которое проходило под диванами, кроватями и растянулось на весь первый этаж. У Артема было невообразимое количество игрушек — для меня это сокровище. Мы устраивали грандиозные аварии и хохотали до слез. Когда его дедушка сказал, что уже поздно и мне пора, сердце сжалось от тоски. Помню, как Артем подошел, обнял меня и сказал: «Ты самый классный друг». Я ответил, что он тоже. Вернувшись домой, переполняемый эмоциями, принялся взахлеб рассказывать дедушке о нашем дне. Он, не отрываясь от чтения, кивал и периодически выдавал короткие реплики: «Отлично», «Молодец», «Ух ты». В тот вечер долго не мог уснуть, снова и снова прокручивая в голове события дня, переживая бурю восторга заново. В голове заиклилось механическое жужжание движущегося поезда.

Засыпая, я не мог дождаться утра, чтобы быстрее пойти играть. Наутро, позавтракав, спросил у Павла Феликсовича, можно ли снова пойти к Артему. Получив кивок, помчался к своему новому другу. Так пролетели две недели. Помимо игр, мы помогали его бабушке ремонтировать беседку: заколачивали гвозди, пилили доски. Я даже, промахнувшись, стукнул себя по пальцу молотком. Ноготь почернел, было дико больно, но я, как мужчина, сдержался — не заплакал. Домой приходил только ночевать. Спустя две недели вечером я вернулся, и там была бабушка. Она только приехала. Бросившись к ней, я эмоционально начал рассказывать прямо с порога истории и события, которые мы пережили с Артемом. Я тараторил, пока бабушка, не обращая на меня внимания, разговаривала с бабушкой. Когда же она обратила на меня внимание, я увидел, как ее глаза округлились и брови поползли вверх по ее морщинистому лбу. Она пришла в ужас и набросилась на деда. Мне кажется, только в тот момент Павел Феликсович действительно увидел меня. Картина была нелицеприятная: я не менял одежду две недели и не мылся. Грязная была не только одежда, но и я весь сам был черный, почти как шахтер. Помимо того, что от меня ошутимо пахло, был черный отросший ноготь, синяк на лбу, так я еще и порвал новые вельветовые брюки. Нина Константиновна устроила разгром мне и деду. Запихнув меня в ванную, она ругалась все время, пока оттирала меня мочалкой. Я, как любой ребенок, пытался рассказать о своем счастливом опыте, о новом друге. Бабушка не слушала. Она запретила мне общаться с Артемом, назвав его дураком и дауном, сказав, что мне не место рядом с ним. «Ты посмотри, на кого ты похож! Это ненормально для хорошего, умного парня! Подумай, что скажут люди, увидев вас вместе — два дурачка! Ты хочешь быть дурачком? Позорить семью?» От обиды у меня хлынули слезы. Я не понимал, в чем моя вина. Меня отчитывали за две недели чистого, беззаботного, детского счастья. Увидев слезы, она не унялась: «И чего реवेशь? Мужчины не плачут, плачут только девчонки. Ты девочка? Иди, вытирайся и приводи себя в человеческий вид. Не хватало, чтобы ты нам еще вшей принес!» — бросила она, выходя. Всхлипывая, вытерся полотенцем и побрел в свою комнату. Наутро меня отвезли в город. С Артемом мы больше не виделись. Я не гулял во дворе, как другие дети. С детства мне твердили, что я особенный, что должен быть первым всегда и во всем. Когда к нам приходили бабушкины гости, на меня надевали вельветовый пиджак, брюки и бабочку. Всех обязательно вели в мою комнату и демонстрировали мои грамоты и награды. Гости удивлялись и хвалили, спрашивая, как я все успеваю. Во время застолья я всегда читал стихотворение на иностранном языке — это была такая пауза между блюдами. Я получал море внимания, и мне это нравилось. Со временем стал от этого зависим. Меня всегда и везде ставили в пример, потому что был опрятным, хорошо одетым и воспитанным мальчиком. Школа не сильно изменила мой график, просто добавились занятия. Единственной отдушиной был дед по отцовской линии — Сергеич (его все уважительно звали по отчеству). Мой отец рос без матери, она умерла при родах, и Сергеич воспитывал его один. Дед был человеком исключительным. Он много лет где-то служил, но кем и где — распространялся неохотно. Иногда он рассказывал про страны, где бывал, особенно часто про Африку. Сергеич жил в городе, но каждую пятницу уезжал на свою загородную дачу. Он был заядлым рыбаком и охотником, а его огорода завидовали все соседки — каждая грядка была прополота и посажена по линейке. Когда он брал меня с собой — это был настоящий праздник. Чтобы вы понимали, Рэмбо нервно курил бы в стороне, по сравнению с моим дедом. Лес был его стихией. Он не просто ориентировался в лесу как у себя дома, он знал все травы и растения, что там растут. Мне казалось, он мог разговаривать с лесом. У него был ритуал: перед входом в лес он останавливался и стоял несколько секунд с закрытыми глазами. В конце что-то шепотом говорил, и только после этого он входил в лес. Его слова, что лес живой, всегда меня пугали, на что он говорил, что лес — это добро и если ты будешь добр к лесу, то и он будет добр к тебе. Это была магия в чистом виде для моего детского сознания. Помню, как мы пошли с ним в поход. Он дал мне маленький рюкзак, показав и перечислив все, что он туда кладет. Компас, кружка, дождевик, чистые носки в целлофановом пакете и

все необходимое. Взвалив на себя большой рюкзак, мы пошли в лес. Была осень, третий день лил дождь. Весь лес пропитался сыростью так, что даже пахло влагой. Дождь сеял мелкой, противной изморосью, я быстро промок до нитки, но молча, спотыкаясь в скользкой грязи, падал. После чего вытирал рукой грязь с лица, вставал и шел за ним. Жаловаться было бесполезно. Да я и был рад сбежать от города и уроков. Через пару часов мы вышли к обрыву над рекой. С обрыва открывался удивительный вид на лес за рекой и солнце, которое за легкими облаками катилось к закату. Сергеич подошел к высокому орешнику, стряхнул с веток воду и начал их скручивать. Через несколько минут получился навес. Достав из рюкзака большой нож, он срезал бересту, распотрошил ее на волокна, сложил под навесом и принялся ломать сухие нижние ветки сосны, укладывая их определенным образом вокруг кучки с корой. Ветки брал все толще и больше. Потом достал из кармана камешек, ударил им об обух ножа — искра отскочила в подготовленную труху, и через мгновение уже потрескивал костер. Мне было лет шесть, и для меня это было чистое волшебство. Я был в полном восторге. Сергеич ушел на полчаса и вернулся с потрошенной рыбой на прутике и пакетом, полным трав, грибов и шишек. Еще через полчаса у нас был ужин и самый вкусный чай в моей жизни. Сергеич был молчуном, говорил часто поговорками. После службы он стал тренером по рукопашному бою. Он как мог дарил заботу моему отцу, но человеку-скале (как мы его называли) это давалось с трудом. С детства я ходил не только в спортивные секции, но и занимался литературой, философией. В свои неполные восемь лет я уже читал книги по философии. Пока сверстники играли в компьютерные игры, я с дедом играл в шахматы. Каждый из родных пытался слепить из меня свою идеальную копию. Понятное дело, меня отдали в частную школу. Она оказалась большим разочарованием. Мне было скучно среди богатеньких и недалеких ровесников. Отдушиной стал школьный психолог Елена. Я часами мог с ней рассуждать о великом, и мне казалось, она меня понимала и что-то постоянно записывала в свой блокнот. Закончив школу, вся родня начала ломать копыя, куда мне двигаться дальше. У меня были хорошие спортивные данные. Со «Скалой» я боксировал уже на равных. Благодаря деду профессору я проглотил не одну тонну книг, разбирался в литературе, философии, математике. В тот вечер разгорелся жаркий спор. Сидел и молча наблюдая, как они до хрипоты доказывали, чего я смогу добиться по их плану. Только Сергеич сидел молча, сложив руки на груди, и чуть улыбался. Когда все выдохлись, он отхлебнул чай и с той же улыбкой сказал: «А вы не хотите спросить, чего хочет сам Андрей?» В комнате на секунду повисла тишина, все повернулись ко мне. Но она была недолгой. «Я знаю лучше, что ему нужно, я жизнь прожила!» — парировала бабушка. Итогом консилиума стал институт управления — очень престижное заведение, выпускниками которого были президенты и министры. Я поступил без труда. Это был новый, чудесный мир. Мою группу можно было поделить на два типа: гении и не-гении. Первые поступили благодаря знаниям, вторые — из-за денег и связей родителей. Как ни странно, я находил общий язык и с теми, и с другими. Сергеич учил: договариваться нужно со всеми, нравятся они тебе или нет. Первый курс посвятил учебе полностью. Помимо нее, как всегда, ходил на языковые курсы и в спортивные секции, даже занял второе место на соревнованиях по рукопашному бою. Меня тренировал Сергеич. Я колошматил соперника и, по моему мнению, выиграл по всем статьям. Когда же победителем объявили его, я был в бешенстве. Подбежав к Сергеичу, начал возмущаться. Тот с невозмутимым видом, подавая мне полотенце, сказал: «Побеждать нужно безапелляционно. Он хоть и весь в крови, но стоит. Ты оставил ему и его маме-судье шанс, и они им воспользовались». Я повернулся к судейскому столику и увидел, как женщина вытирает кровь с лица моего соперника. Это был очередной урок от Сергеича. Через год, встретив того же соперника, не оставил ему ни малейшего шанса. На первом курсе все сокурсники начали подрабатывать, и я не стал исключением. На семейном ужине объявил, что хочу работать, и это запустило очередные дебаты: нужно ли это и куда меня устроить. Нина Константиновна, понятное дело, мечтала, чтобы я возглавил МИД, но данных не хватало, да и по возрасту не подходил. После долгих

споров меня устроили на оплачиваемую стажировку помощником руководителя в компанию бывшего студента бабушки. Компания занималась международной торговлей всем на свете — тут и пригодились мои языки. В мои обязанности входило искать в интернете поставщиков или покупателей и вести с ними переписку. Работа мне нравилась: не нужно было сидеть в офисе, да и языки я подтягивал. Платили очень хорошо. Амбиции росли, и через полгода я уже решил купить автомобиль. Денег хватало разве что на старенький «Гольф», который, по моему мнению, не соответствовал статусу. Было решено просить помощи у родни. Бабушка и мама подкинули, и мне хватило на старый «Мерседес» Е-класса, который был старше меня самого. Конечно, на запчасти я тратил больше, чем на бензин, но зато это был статусный автомобиль. После первой сессии летом мы с родителями поехали отдыхать в Сорренто. Город поразил меня: изумительные узкие улочки, пары пожилых, стильно одетых итальянцев, неспешно прогуливающих по набережной. Там был ресторанчик «Il Monazzero di Teresina», куда я постоянно ходил на обед. Там делали замечательные сэндвичи. Готовил их старый итальянец Фабио — очень колоритный дед с тонкими худыми пальцами и лучистой улыбкой. Он ходил в темных брюках и светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами, постоянно что-то бормотал себе под нос, а когда его отвлекали, начинал энергично жестикулировать, поднимая пальцы кверху. Смотреть за его работой было наслаждением. Он готовил простую еду, но она была божественна. Самые свежие ингредиенты: аромат чабатты, рукколы, вяленых томатов. Но главными были два ингредиента: опыт и любовь, с которой он готовил. У итальянцев не было нашего понимания завтрака. По утрам все мужчины (именно мужчины) приходили в кафе, брали кофе и просто сидели, обсуждая сплетни и политику. Я сносно говорил по-итальянски и мог слушать их жаркие споры. Я всегда оставлял хорошие чаевые, и Фабио в ответ наливал мне маленькую рюмочку лимонного сорбета с капелькой ликера. Я съедал сэндвич, выпивал сорбет и шел на пляж. Там же я впервые попал в большой мультибрендовый бутик. Скупал все, где крупно красовался логотип. Сейчас я понимаю, что был похож на рекламный щит, но для сверстников я был крут. По возвращении домой я решил навестить Сергеича. Позвонив, узнал, что он на даче. Мы не виделись больше двух месяцев, за это время у меня прошел день рождения — мне исполнилось двадцать. Приехав, я увидел, что дед накрыл на террасе праздничный стол. Усевшись, он достал бутылку своей настойки и налил две рюмки. Это был первый официальный раз, когда я выпивал с Сергеичем как со взрослым. Тогда он произнес небольшой монолог: «Все в жизни можно использовать во благо или во вред. Любовь: может окрылять и созидать, а может ослеплять и разрушать. Так и алкоголь: может расслаблять, раскрепощать, а может убивать. Так во всем. Даже яд гадюки убивает, но он же спасает твоего деда от радикулита, — сказал он, доливая. — Выпьем за то, чтобы все, что встретится в твоей жизни — чувства, события, люди — ты использовал во благо себе и другим». Общение с Сергеичем всегда было искренним и без прикрас, он всегда смотрел в суть проблемы, отбрасывая надуманные стереотипы. Он всегда видел стержень внутри человека и понимал, кто перед ним. Я видел в нем мудрого старца-отшельника, который познал мир без масок и прикрас. Мы долго сидели и разговаривали, я не заметил, как наступила глубокая ночь. Это были те самые душевные беседы, которые я очень ценил.

Глава вторая

За неделю до старта второго курса мне позвонил одногруппник Женя. Невысокий и полноватый, за что я его прозвал Пельменем. Прозвище быстро прилипло, он не обижался — был человеком-праздником. Пельмень был из очень богатой семьи, родители баловали его с пеленок, но, как ни странно, он вырос человеком с большим сердцем: всегда готов был помочь, отдать последнее. Все знали про его загородные вечеринки. Родители с младшей сестрой постоянно отдыхали на курортах, а дом с прислугой часто пустовал. Женя пользовался этим и зака-

тивал тематические вечеринки. В этот раз он решил собрать всю группу перед учебой на выходные. Я, конечно, согласился — соскучился по друзьям. Я надел новую кожаную куртку, новые джинсы и на своем стареньком мерседесе помчался к Пельменю. Я любил новые вещи и чувство уверенности, которое появляется, когда ты одет с иголки. Общество устроено таким образом, что первое впечатление очень важно. Дорогие часы, обувь, портмоне — это атрибуты богатого успешного человека, и я старался соответствовать ему. Достав из бардачка дорогой парфюм, я брызнул на одежду несколько раз, и сладкий запах цитрусовых заполнил салон автомобиля. Я открыл окно в автомобиле, и теплый вечерний воздух хлынул в салон. Поселок, где он жил, располагался в старом сосновом бору. Ели — необъятные. Повсюду — трехметровые заборы. Охранник на воротах узнал меня и, поздоровавшись кивком головы, молча открыл. Я медленно ехал по дорожке к дому. Чувство гордости и избранности переполняло меня. Это чувство, когда ты ощущаешь себя важным и статусным. Мне нравился этот мир, и меня к нему готовила Нина Константиновна с детства. Подъехав, увидел, как Женя встречает гостей на крыльце. На нем были черные плавки и оранжевые шлепки, сверху накинут шелковый халат, в руке — бокал шампанского. Увидев меня, он с криком «Дружище!» бросился на капот. Было видно, что это далеко не первый его бокал. Помог ему слезть и мы пошли в дом. В доме грохотала музыка, и было очень накурено, висела густая пелена от сигаретного дыма и кальяна. В столовой стоял огромный стол на тридцать персон, заставленный алкоголем и закусками. В углу, на диване у камина, развалились братья-близнецы — Чуши Марк и Чуши Дима — в компании каких-то юных девиц. Увидев меня, они стали звать к себе. Я подошел, плюхнулся на мягкий кожаный диван. Девочки оценивающе оглядели меня с ног до головы и начали проявлять пьяную симпатию. От них пахло алкоголем и тяжелым, удушающим, вечерним парфюмом. Мы долго болтали с Димой и Марком о том, как кто провел лето. Пельмень приводил все новых гостей, и через час гостиная напоминала переполненный ночной клуб. По телевизору над камином молча крутились клипы, и подвыпившая публика подпевала Жене, который, взобравшись на стол, пытался читать рэп в микрофон. Он по-прежнему был в расстегнутом халате. Все веселились, было шумно и весело. В этот момент я заметил сидевшую у окна девушку, которая что-то рисовала в блокноте и смотрела наружу. Оглянувшись по сторонам, я видел людей, разбившихся на маленькие компании, поглощенных общением и общей атмосферой — все, кроме этой загадочной девушки у окна. Мне стало интересно, и, понаблюдав какое-то время, я решил узнать, что она рисует. Взяв бутылку шампанского, я подошел к ней и, сев в соседнее кресло, предложил жестом ей шампанского. Она показала, что у нее есть, и также жестом меня поблагодарила. Вокруг очень громко играла музыка, и, чтобы пообщаться, мне нужно было либо подойти к ней вплотную, либо кричать. Я решил молча понаблюдать, не вмешиваясь в процесс. Она выделялась среди всех не только своим поведением, но и внешним видом. От нее даже пахло по-другому, сладкий, свежий запах цитрусовых. У нее не было лака на ногтях, длинные светлые волосы были аккуратно собраны в пучок с помощью массивной заколки, на ней была пышная юбка выше колена, а на ногах — массивные кроссовки. Все девушки вокруг были дорого ухожены и одеты. Она же была какой-то домашней, скромной. Она внимательно что-то рисовала и, периодически кидая взгляд в мою сторону, улыбалась своей белоснежной улыбкой. Это было так мило и по-доброму, что подкупало какой-то искренней простотой. В какой-то момент она залпом допила шампанское, резким рывком вырвала страницу из альбома и, протянув ее мне, ушла. На рисунке черным карандашом был нарисован сад, который был виден из окна. В саду была скамейка, на которой сидел я с бутылкой шампанского. Когда я это увидел, засмеялся и хотел что-то ей сказать, но ее уже не было. Обойдя весь дом и даже заглянув в сад, на ту самую скамейку, я ее не нашел. Спрашивал у ребят, кто это был, но было такое ощущение, что видел ее только я. Я бы даже сказал, что ее не было и я это все придумал, но доказательством ее реальности был рисунок. Он мне очень понравился, и я оставил его, даже повесил у себя на стене. Эта девушка оставила

какое-то интригующее послевкусие. В ноябре, заваленный учебой, решил сходить на выставку современного искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.